

Убийц пока ещё не поймали окончательно, и женщина-убийца не выдержит таких пыток, поэтому придётся действовать медленно и тщательно.

Во-вторых, что бы он ни предпринимал, должен прежде доложить императору.

Хотя пересылка писем и хлопотна, лишняя осторожность не мешает. Ян Цзинлэй — человек с семьей, и он не хочет, чтобы Ци Цзюньму начал его опасаться.

Когда Ци Цзюньчжо выразил желание увидеть женщину-убийцу, лицо Ян Цзинлэя выдало замешательство.

Перевозка убийцы в столицу проводилась тайно, и лишь немногие из его окружения знали об этом.

Ци Цзюньчжо, увидев его выражение, сказал:

— Если господин Ян считает это неудобным, то пусть так и будет.

Ян Цзинлэй глянул на спокойного Ци Цзюньчжо, стараясь сохранить обычное бесстрашие:

— Не то чтобы неудобство, просто убийцы сейчас нет в Цинчжоу. На днях её уже отправили в столицу. Император, узнав о покушении на ваше высочество, пришёл в ярость.

Он не собирался разглашать этот секрет просто так, но эти слова были написаны Ци Цзюньму в тайном письме.

Император собственноручно написал: если Великий князь Цзинь спросит об убийце, отвечать правду — убийца уже в столице.

Услышав это, Ци Цзюньчжо слегка нахмурился. Он посмотрел на Ян Цзинлэя:

— Мелкое происшествие, я даже не пострадал. Зачем ты сообщил брату? Цинчжоу так далеко от столицы, зря заставил его волноваться.

Ян Цзинлэй глубоко посмотрел на Ци Цзюньчжо, не понимая: то ли Великий князь Цзинь действительно не хотел беспокоить императора, то ли у него были свои виды. Пришлось отвечать прямо:

— Ваше высочество, дело того стоит. Не мне его скрывать.

Погодя, Ци Цзюньчжо произнёс:

— Раз так, быть по тому.

Ян Цзинлэй согласился и проводил Ци Цзюньчжо взглядом.

Многие мелочи, которые в глазах других — сущий пустяк, в глазах императора могут стать изменой.

Об измене Ци Цзюньму сейчас думать не хотел, бедствие в Цинчжоу уже взяли под контроль.

На этот раз затраты людских и материальных ресурсов были минимальны, а результат — наилучший.

Ци Цзюньму остался доволен. Раз с бедствием в Цинчжоу покончено, для завершения дел он отправит других людей. А сейчас он размашисто написал указ, возвращающий Ци Цзюньчжо и остальных в столицу.

На этот раз это был настоящий указ со специальным гонцом в Цинчжоу.

Сделав это, Ци Цзюньму приказал привести Шэнь Няня.

Шэнь Нянь последние два дня наслаждался редкой свободой, но, услышав вызов императора, тут же прибежал.

Император не стал его мучить, сразу уставился на ним и спросил:

— Я хочу укрепить оборону Западных рубежей. Как думаешь, в чьих руках эти деньги будут в сохранности?

Шэнь Нянь не ожидал, что Ци Цзюньму спросит об этом с полуслова, и ответил не задумываясь:

— Мне кажется, в моих.

— Ты не годишься, — император, не моргнув глазом, возразил.

Шэнь Нянь был задет. Он мигнул и, делая обиженное лицо, сказал:

— Моя преданность вашему величеству, знают небо и земля, солнце и луна. Как вы можете мне не доверять?

Ци Цзюньму нетерпеливо посмотрел на него:

— Ты сейчас управляешь охраной столицы и 50 000 гвардейцев с горы Бэйшань. Что, нагрузка кажется слишком лёгкой? Хочешь ещё и Западные рубежи на себя взять? Если действительно хочешь, я сейчас же отправлю тебя.

Услышав это, Шэнь Нянь стоял, довольно серьёзно раздумывая, а затем важно покачал головой:

— Благодарю вашего величества за заботу, но у меня нет трёх голов и шести рук, сил не хватит.

Ци Цзюньму с трудом смотрел на него, а затем произнёс:

— Что касается толщины кожи, если ты будешь вторым, никто не решится быть первым.

Шэнь Нянь скромно ответил:

— Слишком громкая честь, ваше величество, вы слишком превозносите меня.

Ци Цзюньму фыркнул:

— Не понимаю, в каких моих словах ты услышал похвалу?

Шэнь Нянь не смутился:

— Я долгое время служил на Северных рубежах и лишь недавно удостоился чести видеть ваше лицо, потому редко слышу похвалу от вашего величества. Сейчас искренне чувствую, что каждое ваше слово — это похвала в мой адрес.

Ци Цзюньму почувствовал, как сердце сжалось. Ему вдруг захотелось побыть одному, совсем не хотелось общаться с этим самодовольным Шэнь Нянем.

Оба были умными людьми, и после этой перебранки между государем и подданным прежнее напряжение исчезло.

Шэнь Нянь пытался выведать о доверии императора, а император с раздражением отвечал, что даже Западные рубежи может доверить ему, косвенно показывая доверие к Маркизу — усмирителю Севера.

Хотя Шэнь Нянь и не знал правдивости этих слов, он воспользовался случаем, чтобы выразить свою преданность.

Цель была достигнута, пусть процесс и немного привёл императора в замешательство.

Повисла тишина. Император, опустив глаза, читал доклады, а Шэнь Нянь осматривался по сторонам. Осматриваясь, его взгляд остановился на лице Ци Цзюньму.

Император с опущенными глазами казался ещё более строгим, но благодаря своей красоте, сидел там словно красивая картина.

Шэнь Нянь не скрывал своего оценивающего взгляда. Сначала Ци Цзюньму делал вид, что не замечает, но со временем взгляд становился всё смелее и наглее.

Ци Цзюньму был императором две жизни. В прошлой, хоть и умер жалким образом, но до самой смерти оставался императором, и без дозволения никто не смел смотреть на него так прямо. Неизвестно, что там разглядывал Шэнь Нянь, неужели цветы у него на лице?

Думая об этом, Ци Цзюньму вдруг поднял голову, и их взгляды встретились.

В дурном настроении император выглядел холодным, высокомерным и презрительным.

Шэнь Нянь с интересом разглядывал лицо императора и вдруг встретился с ним взглядом. Его первой реакцией было не страх быть пойманным на неуважении к государю — тяжком преступлении, а скорее смущение, и он поспешно отвёл взгляд.

Но тут же Шэнь Нянь подумал: император человек мелочный, вдруг подумает чего-нибудь, а потом обязательно устроит ему неприятности. Поэтому он снова уверенно посмотрел на него.

Ци Цзюньму не стал ничего додумывать, ему просто показалась забавной реакция Шэнь Няня.

Любой другой, пойманный императором на таком действии, первым делом попросил бы прощения. Только Шэнь Нянь повёл себя неожиданно.

Ци Цзюньму не знал, о чём тот думает, но медленно произнёс:

— Что, придумал, кому отдать деньги на укрепление обороны Западных рубежей?

Шэнь Нянь ахнул, вспомнив первоначальный вопрос императора, и поспешил ответить:

— Есть кое-какие мысли. Я думаю, если ваше величество доверяете Великому генералу — усмирителю Запада, то эти деньги можно отдать ему.

Ци Цзюньму подумал, что не только Шэнь Нянь как человек интересен, но и говорит он интересно. Разговаривать с таким умным и забавным человеком иногда действительно радостно.

Поэтому он спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Поняв, что император требует объяснений, Шэнь Нянь, чувствуя, что предыдущая сцена вышла немного неловко, или же действительно желая внести свой вклад в дела на границе, серьёзно произнёс:

— Ваше величество знает, что до возвращения в столицу я никогда не покидал Северных рубежей и не очень хорошо знаю Великого генерала — усмирителя Запада. Наша Армия Северных рубежей довольно груба, за эти годы мы участвовали во многих сражениях, и в головах у солдат струна натянута до предела. Что касается Великого генерала — усмирителя Запада, то он человек довольно осмотрительный, настоящий защитник городов. Западные рубежи в последние годы спокойны, солдаты живут в довольстве. Если Западные рубежи и дальше будут такими, это к счастью для страны.

Шэнь Нянь, казалось, нахваливал Чаншэна со всех сторон, но на самом деле в словах его были одни колючки.

Будучи генералом Западных рубежей, Чаншэн на мелкие набеги Сиди почти не обращал внимания, лишь изредка высылал войска для прогонки. А если случались серьёзные волнения, первой реакцией Чаншэна было отправление донесения в столицу.

К счастью, Сиди в последние годы вели себя прилично: в периоды неурожая они забирали немного припасов с Западных рубежей, но никогда не атаковали большими силами, чтобы не ссориться с Великой Ци.

Подобные действия Чаншэна в краткосрочной перспективе сводили потери солдат Западных рубежей к минимуму, и многие при дворе его хвалили.

Но аппетиты Сиди не останутся такими скромными навсегда. Рано или поздно они не удовлетворятся и жестоко укусят Великую Ци.

Ци Цзюньму в прошлой жизни тоже очень не любил такое поведение Чаншэна. Как генерал, тот не имел ни капли боевого духа. Тогда Ци Цзюньму только что стал императором и, выделяя средства на Западные рубежи, всё же решил довериться Чаншэну.

Он думал, что никто не будет играть жизнями солдат, но в итоге он, император, стал посмешищем.

Десятки тысяч солдат были убиты, а Чаншэн по сути открыл ворота Западных рубежей, выпустив Сиди.